

СПЕЦИФИКА И ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ВЛАДИМИР РОВДО

Процесс трансформации ряда бывших посткоммунистических и постсоветских государств Восточной Европы в конце 80-х - 90-е годы XX в. от авторитаризма к демократии привел к тому, что Республика Беларусь оказалась единственной страной в этом регионе, руководство которой последовательно придерживается недемократических политических принципов и моделей поведения. После падения правительства Милошевича в бывшей Югославии белорусский режим остается последней диктатурой в Восточной Европе. Это делает актуальным анализ причин формирования недемократической модели правления в Беларуси, выделения ее особенностей и тенденций эволюции. Предлагаемая вашему вниманию статья является попыткой применения некоторых современных политологических концепций авторитаризма и транзитологии к анализу белорусской ситуации, рассматриваемой сквозь призму изучения степени зрелости объективных и субъективных предпосылок для смены политического режима и включения Беларуси в глобальный процесс перехода к демократии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В научной литературе существуют различные точки зрения относительно характера белорусского политического режима. С одной стороны, некоторые ученые настаивают на том, что политическая система, установленная Лукашенко, не является диктатурой в чистом виде, что она относится к гибридным разновидностям режимов, занимает промежуточное положение *между демократией и диктатурой*. В книге с одноименным названием, изданной в Лондоне в 2003 г., ряд исследователей делают вывод о том, что белорусский режим – это «выборная диктатура» (Е. Коростелева, К. Лоусон, Р. Марш) или диктатура, сосуществующая с демократически настроенным электоратом (К. Харпфер).¹

1 See: E. Korosteleva, C. Lawson, and R. Marsh, eds., *Contemporary Belarus: Between Democracy and Dictatorship* (London: Routledge Curzon, 2003), pp. 14-15. Коростелева, Белова и Кривошеев делают акцент на предпосылках демократии, установленных в посткоммунистической Беларуси, таких как конституция, президентские и парламентские выборы и многопартийная система. Эту позицию не разделяют Силецкий и Мэрплз, справедливо, на наш взгляд, обращающие внимание на способность Лукашенко манипулировать демократическими институтами. В то же время,

По нашему мнению, аргументация авторов этих определений является не вполне убедительной. Подавляющее большинство современных авторитарных и тоталитарных режимов применяли и применяют выборы, но это не делает их более демократическими, потому что выборы выполняют здесь совершенно иные функции, нежели в условиях демократии. Их задача – не смена власти, а политическая социализация общества, мобилизация его на поддержку власти, содействие консолидации «народа» вокруг правительства. Кроме того, такие выборы не являются свободными и справедливыми. Что касается степени демократичности общественного сознания белорусских избирателей, то ее не следует преувеличивать. Большая, чем в других странах СНГ, степень доверия со стороны нашего электората правительству и парламенту еще не свидетельствует в пользу того, что белорусы выступают за демократические модели взаимоотношений между законодательной и исполнительной ветвями власти, что они в массе своей являются сторонниками конституционализма и парламентаризма. Снижение поддержки «сильному лидерству» в Беларуси, скорее всего, связано с разочарованием многих рядовых граждан в политике конкретного руководителя – А. Лукашенко, но это вовсе не означает, что наше общество застраховано от рецидивов востребованной «политики сильной руки» в будущем.

С другой стороны, в публицистической литературе и научных публикациях некоторые авторы делают вывод о тоталитарном характере современного политического режима Беларуси, или о его «сильных тоталитаристских тенденциях».² На наш взгляд, такая точка зрения является преувеличением опасностей деградации режима Лукашенко до стадии классического тоталитаризма. Тоталитаризация белорусского режима имеет объективные ограничители: небольшая страна с недостаточными ресурсами и ограниченным военным потенциалом может позволить себе данную форму диктатуры только в случае значительной внешней помощи. Расчеты же на победу «красно-коричневой» оппозиции в России и в Украине являются призрачными, равно как и надежды на сплочение белорусского общества вокруг теряющего с каждым днем популярность диктатора.

«все авторы пришли к консенсусу по вопросу о том, что Беларусь не является полной диктатурой, поскольку она сохраняет некоторые черты демократического государства, а ее следует называть «выборной диктатурой», или, в терминологии Силицкого, государством, обладающим предпосылками, но без демократии». С данной точкой зрения мы не согласны. Подробнее о недостаточной степени зрелости предпосылок демократии в современной Беларуси см.: *Роўда У. Перспектывы дэмакратызацыі і перашкоды на шляху да дэмакратыі ў Беларусі // Да дэмакратыі праз грамадзянскую супольнасць. Шчэцін: FRDL, 1999. С. 227-243. Концепция К. Харпфера изложена в статье С. Haerpfher, "Electoral Politics of Belarus Compared," in *Contemporary Belarus*, pp. 85-100.*

2 См: *Чернов В. Нищета идеологии, или идеология нищеты // Белорусский рынок. 2003. № 19-21.*

По нашему мнению, нынешняя белорусская политическая система все еще находится на авторитарной стадии эволюции. Если же вести речь о гибридном характере режима Лукашенко, то он представляет собой, скорее, определенное сочетание элементов авторитаризма и «султанизма», нежели авторитаризма и демократии. Сущность авторитаризма заключается в неоспоримости государственной власти. Это старейшая политическая форма, восходящая своими корнями к древним деспотиям, тираниям и империям, которая и в современном мире остается самой распространенной разновидностью политических режимов.

В своем анализе белорусского авторитаризма мы опираемся на дефиницию этого явления, данную американскими исследователями Хуаном Линцем и Альфредом Степаном. Они определяют общие критерии разграничения основных типов политических режимов. Анализ степени плюрализма, роли идеологии и мобилизации, особенностей руководства в разных политических системах позволяет, согласно их концепции, выделить пять основных типов современных политических режимов: тоталитаризм, авторитаризм, посттоталитарный режим, «султанизм» и демократию.³

Теория Х. Линца и А. Степана коррелирует с концепцией сравнительного анализа политических режимов американских исследователей Роя Макридиса и Стивена Берга, которые указывают, что во всех современных политических системах мы сталкиваемся с некоторыми основными процессами взаимодействий. Неодинаковость их протекания и является важнейшим фактором, позволяющим дифференцировать разные политические режимы. К этим процессам относятся: организация власти и правления, оформление интересов, организация согласия, организация прав.⁴

Мы видим, что «организация власти и правления» тесно связана с ответом на вопрос, «кому принадлежит государственная власть и как она ограничена». «Оформление интересов» – с ролью «экономического, социального и политического плюрализма». «Организация согласия» – с наличием «экстенсивной либо интенсивной политической мобилизации» и «ролью идеологии в данном процессе». Учитывая это обстоятельство, мы используем оба вышеуказанных подхода. Белорусская политическая система рассматривается сквозь призму основных процессов-взаимодействий, выделенных Макридисом и Бергом, а в рамках этого анализа мы акцентируем внимание на ключевых пунктах, определенных Линцем и Степаном, которые позволяют артикулировать важнейшие характеристики режима.

Взяв за основу в качестве основного критерия дифференциации организацию власти и правления, Макридис и Берг выделяют такие формы

3 J. Linz and A. Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation* (Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1996), p. 38.

4 See: R. Macridis and S. Burg, *Introduction to Comparative Politics*, 2nd. ed. (N.Y.: Harper Collins, 1991), p. 4.

авторитаризма, как тирании, династические режимы, военные режимы и однопартийные режимы. Сэмюэл Хантингтон в книге «Третья волна: демократизация в конце XX в.», в принципе, придерживается такого же подхода, но называет основными формами авторитаризма, подвергшимися процессу перехода к демократии в 70-80-е гг., однопартийные, персоналистские, военные режимы и режим расовой олигархии в ЮАР.⁵ При этом он относит к однопартийным авторитарным режимам и так называемые «режимы советского типа», т.е. существовавшие в странах Восточной Европы и СССР после смерти Сталина в эпоху эрозии классического тоталитаризма. Линц и Степан считают, что режимы советского типа относятся к самостоятельному типу политических режимов – посттоталитарному. К самостоятельному типу следует относить, по их мнению, и режим «султанизма», который большинство исследователей рассматривает как разновидность персоналистской авторитарной диктатуры.⁶

В данной статье мы исходим из классификации Хантингтона, которая позволяет проанализировать те особенности недемократических политических систем, которые самым непосредственным образом влияют на выбор формы перехода к демократии. Этот подход является наиболее инструментальным, делающим возможным совмещение важных теоретических обобщений с конкретными рекомендациями политическим силам, ориентированным на процесс демократической системной трансформации. Вместе с тем мы считаем достаточно плодотворной и позицию Макридиса и Берга, связанную с использованием ими отношения к модернизации в качестве критерия дифференциации авторитарных режимов, по их направленности, на консервативные и радикальные. Первые стремятся к защите экономического и социального статус-кво и искусственно сдерживают модернизацию, вторые, наоборот, содействуют осуществлению реформ сверху и подавляют социальные силы, противящиеся модернизации.⁷

Причины возникновения авторитарного политического режима в Беларуси в середине 90-х годов

Любой авторитарный режим и особенно тот, который возникает в молодых государствах, обосновывает и оправдывает свое существование ссылкой на проблемы *безопасности*. Древние римляне говорили: “*Salus Populi Suprema Lex Est*” [безопасность народа, или государства, – высший закон]. Согласно Макридису и Бергу, «когда правящая элита воспринимает другие страны, особенно соседние, как потенциально агрессивные, или

5 S. Huntington, *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991), pp. 110-111.

6 See: Linz and Stepan, op. cit., pp. 51-54.

7 See: Macridis and Burg, op. cit., pp. 115-117.

когда происходит реальная агрессия, она обычно укрепляет свой контроль, обращаясь к авторитарной практике. Но и в давно сложившихся режимах элиты обращаются к авторитарным методам в ответ на внутренние беспорядки, или на ситуацию, когда немногочисленное, но в высшей степени приверженное идее меньшинство стремится подорвать существующий законный порядок, например, когда революционная партия пытается организовать вооруженное свержение режима».⁸

Если говорить о факторе угрозы безопасности, то для Беларуси в середине 90-х годов наибольшую опасность представляли социальные и экономические последствия радикальных рыночных реформ в соседней России, с которой страна была тесно связана экономическими узами. Политика «шоковой терапии» Гайдара обернулась «шоком без терапии» у нас. Белорусская элита, в силу ее слабости и неготовности к рыночным преобразованиям, отказалась от кардинальных экономических реформ, а граждане Беларуси испытали лишь негативные их последствия. Эти процессы вкупе с нарастанием политики монетарной экспансии правительства обусловили гиперинфляцию в 1993-1994 гг., когда цены выросли за год более чем в 20 раз.⁹

Это привело к всплеску протестных настроений. Однако если в конце 80-х начале 90-х годов они имели ярко выраженную антикоммунистическую окрашенность, то в середине 90-х годов на смену антикоммунистическому популизму пришел популизм антиноменклатурный и антидемократический. Этим не преминул воспользоваться А. Лукашенко, который во время избирательной кампании 1994 г. активно использовал недовольство народа и бюрократией, и демократами, которые якобы «развалили великую страну и довели белорусский народ до нищеты». Его оппонентам было очень трудно объяснять рядовым избирателям ту простую истину, что демократы не были у власти в Беларуси, ведь их соратники обладали властью в Кремле, а результаты их правления на тот период времени большинством оценивались отрицательно.

Авторитарные методы правления, которые вводятся в качестве средства для предотвращения реальной либо мнимой угрозы безопасности, в одних случаях становятся временными, в других – превращаются чуть ли не в вечные. Многое зависит от *политической культуры* общества. Такие черты политической культуры, которые содействуют возникновению и развитию современной демократии, являются достаточно редкими. Их трудно сформировать с помощью целенаправленных усилий правительства в сжатые сроки. Демократическая политическая культура должна, по мнению Макридиса и Берга, содействовать формированию опреде-

8 Macridis and Burg, op. cit., p. 119.

9 Вардеванян Г. Монетарная политика и инфляция в 1992-2001 гг // Макроэкономические проблемы развития Беларуси. Минск: Фонд имени Фридриха Эберта, 2002. С. 80.

ленного баланса в отношениях между обществом и государством.¹⁰ Западноευропейским странам и США потребовались столетия для того, чтобы сформировать соответствующую демократическим институтам политическую культуру. Новым независимым государствам приходится решать эту задачу в сжатые сроки, и во многих случаях их усилия не приводят к успеху.

Политическая культура белорусского общества также не была готова к демократической трансформации. Если рассматривать ее, исходя из теории Г. Алмонда, можно сказать, что в Беларуси преобладает подданническая политическая культура. По мнению белорусского политолога И. Бугровой, подобная ментальная установка сформировалась под влиянием «длительной доминации социоцентристского типа культуры», 200-летнего существования в составе Российской империи и СССР. К этому следует добавить весьма противоречивое отношение белорусов к государству. С одной стороны, «человек абстрагируется от государства, которое всегда является неуправляемой и враждебной ему силой, стремится не вызвать к себе его интерес. В то же время он испытывает к государству подданническую привязанность, объясняющуюся тем необходимым минимумом условий, которое оно предоставляет человеку».¹¹ Из этого следуют и противоречивые модели поведения. В частной жизни белорусы ориентированы на личное достоинство, независимость и свободу, но значительное большинство их считает невозможным изменить внешние обстоятельства своей жизни, что ведет к пассивности людей в политической сфере.

Важнейшим культурным препятствием на пути Беларуси к демократии, на наш взгляд, являлась и является проблема национальной идентичности. Белорусская национальная культура в виде «высокой» (стандартизированной) была сформирована еще в начале XX в., но она так и не стала средством коммуникации индустриального общества в городах из-за сознательной политики руссификации, проводившейся коммунистическими властями БССР. Несмотря на то, что Беларусь – это в основном мононациональное государство, подавляющее большинство ее жителей – 78% – белорусы, только 10% населения свободно владеет и пользуется белорусским языком. У белорусов в силу ряда причин были ослаблены национальная и национально-освободительная идея. Белорусская элита оказалась не в состоянии сформировать «волю к принадлежности» у подавляющего большинства граждан, создать и укоренить в сознании масс популярный национальный миф, который объединяет людей и наполняет их жизнь смыслом. «Для сегодняшней Беларуси, – справедливо отмечает политолог И. Екодумова, – более важной проблемой, чем присоединение к нормам западной демократии, является проблема самоопределения, фор-

10 See: Macridis and Burg, op. cit., pp. 120-121.

11 Бугрова И. Политическая культура // Школа гражданского образования: сборник лекций и методических материалов. Минск, 2002. С. 399.

мирование идентичности и ее сопутствующих моментов: иерархии, ценностей и интересов. Эта проблема оказалась более сложной, чем декларативный отказ от авторитаризма, потому что предусматривает иной способ мышления, поведения и оценок, иные схемы восприятия реальности».¹² Нерешенность проблемы идентичности значительно облегчила путь маргинальных политиков к власти в Беларуси в середине 90-х годов.

Распад СССР и образование Белорусского независимого государства привел к парадоксальной ситуации. Номенклатура, которая еще вчера решительно боролась против сторонников независимости, оказалась во главе суверенного государства – Республики Беларусь. Контрэлита, рассматривавшая достижение государственной независимости в качестве конечного пункта своей программы максимум, оказалась политической оппозицией возглавляемому не национально ориентированными силами правительству суверенной Беларуси. Очевидно, что такая ситуация не была нормальной. Из нее существовали два основных выхода: превращение номенклатуры в национальную элиту, осуществляющую курс поступательных рыночно-демократических реформ сверху; смена элит, приход к власти национально-демократических сил, которые реализуют программу последовательных экономических и политических преобразований.

К сожалению, ни первый, ни второй сценарии так и не были воплощены в жизнь. Правящей элите не хватило дальновидности и настойчивости для того, чтобы встать на путь, по которому пошли ее собратья из России, Украины, Казахстана. Контрэлита, с упорством, достойным лучшего применения, продолжала делать ставку на культурную политику, белорусизацию общества, без обладания политической властью. Ее лидеры не отдавали себе отчета в том, что любая массовая ресоциализация будет обречена на неудачу, если она не осуществляется государством. В силу этого политическая задача имела явный приоритет над культурной, на том историческом отрезке времени. Задача завоевания власти, в свою очередь, не могла быть успешно решена без выработки внятной и популярной социально-экономической программы.

В силу этих причин многие граждане Беларуси оказались разочарованными. Еще вчера они жили в великой стране, сегодня же оказались в независимом государстве, правительство которого не смогло справиться со сложными экономическими и социальными вопросами, а оппозиция в качестве важнейшего рецепта решения насущных общественных проблем предлагала изучение родного языка и истории. Поэтому ничего удивительного нет в том, что, по данным опросов общественного мнения, если в декабре 1991 г. независимость Беларуси и договор о создании СНГ поддерживали 69% респондентов, не поддерживали – 10%; то в декабре 1992 г. количество сторонников суверенитета и договора сократилось до

12 *Екадумава І. Рэжым стварае ідэнтычнасьць // Грамадзянская альтэрнатыва. 1999. № 7. С. 17.*

42%, а количество их противников выросло до 34%. Летом 1992 г. к выходу Беларуси из состава СССР положительно относилось только 30,7%, а отрицательно – 52,6% опрошенных.¹³

Лукашенко полностью использовал эту ситуацию. Во время президентской избирательной кампании 1994 г. он смог опередить тогдашнего премьер-министра Кебича, создав себе имидж восстановителя не только порушенных хозяйственных связей, но и самого Советского Союза. В Беларуси в середине 90-х годов ярко проявил себя социально-психологический синдром «бегства от свободы и ответственности», описанный Э. Фроммом. Авторитарная личность в ситуации освобождения от прежних социальных связей, утраты уверенности и защищенности ищет сильного покровителя, благоволит к власти, стремится подчинить себя внешнему авторитету, наделяет властелина харизматическими чертами. Таким спасителем-харизматиком для многих простых белорусов и выступил Лукашенко.

Авторитаризм может сопровождать такой важный социальный процесс, как *модернизацию*, направленную на преодоление традиционных форм экономической и социальной жизни и развитие индустриализма, либо постиндустриализма. Модернизация влечет за собой быструю миграцию населения, изменение социальной структуры, развитие массовой коммуникации, рост социальных ожиданий и требований населения к властям. В ходе «осовременивания» обостряются внутренние противоречия в обществе, и усиливается борьба социальных групп. Поэтому «авторитарные методы зачастую применяются правящей элитой для смягчения этой напряженности», подчеркивают Макридис и Берг.¹⁴ При этом, авторитаризм может вводиться как группами, заинтересованными в ускорении модернизации, так и консервативными силами общества, стремящимися затормозить эти процессы.

Поскольку социалистическая реконструкция не смогла решить многие проблемы, связанные с осовремениванием экономики, социальной структуры и политической системы белорусского общества, равным образом, как и обществ других постсоветских стран, завершение модернизации является здесь актуальной задачей. Согласно С. Хантингтону, модернизация сопровождается взаимосвязанными между собой процессами: социальной мобилизации, экономического развития, социальной фрустрации, мобильности возможностей, политического участия, политической институционализации, политической нестабильности.¹⁵ В нашей стране процессы социальной мобилизации, связанные с формированием новых ожиданий и ценностных ориентаций, не свойственных человеку традиционного обще-

13 Бугрова І. Ідэнтычнасьць Беларусі: 3 вопыту «разумеючай» паліталёгіі // Грамадзянская альтэрнатыва. 1999. № 1. С. 40.

14 Macridis and Burg, op. cit., p. 122.

15 See: S. Huntington, *Political Order in Changing Societies* (New Haven & London: Yale University Press, 1968), pp. 47-59.

ства, начались в 50-е – 60-е годы, в связи быстрым развитием индустриализации, урбанизации и образования. Они получили новый импульс после объявления курса на рыночные реформы во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов. Однако экономическое развитие существенно отставало от темпов социальной мобилизации. Рыночные реформы в Беларуси были крайне непоследовательными, что вело к образованию все более и более широкого разрыва между ожиданиями людей и возможностями экономической системы их удовлетворить. Результатом стало разочарование многочисленных групп общества, их социальная фрустрация.

В середине 90-х годов Беларусь оказалась перед выбором. Социальную фрустрацию можно было смягчить за счет развития мобильности возможностей, зависящей от степени открытости общества, вертикальной и горизонтальной мобильности, т.е. за счет продолжения экономических и социальных реформ, политической институционализации, которая могла поглотить деструктивную энергию чрезмерного политического участия масс.¹⁶ Однако ни белорусская элита, ни белорусское общество не были готовы к подобному выбору.

В 1994 г. в нашей стране произошли антиноменклатурная, антидемократическая и консервативно-популистская революция. Беларуси была жизненно необходима радикальная рыночная реформа экономики, глубокая технологическая перестройка, нахождение адекватных ответов на вызовы постиндустриального витка глобальной модернизации. Поскольку эти процессы весьма болезненны для общества и сопровождаются ростом социальной напряженности и политической нестабильности, Лукашенко предложил своим избирателям программу консервации основных социально-экономических институтов социалистической системы, свертывание рыночных реформ, сохранение основных социальных гарантий гражданам со стороны государства. Авторитарный режим в Беларуси был введен в середине 90-х годов для сдерживания рыночной и постиндустриальной модернизации.

Таким образом, в первой половине 90-х годов в Беларуси в своеобразной форме проявились все отмеченные Макридисом и Бергом общие причины формирования авторитарных режимов: проблемы безопасности, неадекватной демократии политической культуры, вызова модернизацией. Именно они содействовали приходу к власти в 1994 г. на президентских выборах недемократического лидера и закреплению авторитарных тенденций в ходе последующей эволюции политического режима.

ФОРМА И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ БЕЛОРУССКОГО АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА

По своей форме современный политический режим Беларуси является ярко выраженной персоналистской авторитарной диктатурой. Отли-

16 См.: Роўда. Указ. соч. С. 227-243.

чительной чертой режимов личной власти, по мнению С. Хантингтона, является то, что «руководитель государства представляет собой основной источник власти, а все позиции в государственной иерархии зависят от доступа к, близости к, зависимости от и поддержки со стороны лидера».¹⁷ К этой категории обычно относят режимы Салазара и Каэтано в Португалии, Франко в Испании, Маркоса на Филиппинах, Индиры Ганди в Индии (1975-1977), Чаушеску в Румынии, Пиночета в Чили, Милошевича в Югославии и др. Многим диктатурам личной власти присущи такие черты, как nepotизм, землячество, коррупция, использование парамилитарных структур, что сближает их с режимами «султанизма», выделенными Х. Линцем в особый тип политических режимов.¹⁸

Черты диктатуры личной власти стали проявляться с самого начала пребывания Лукашенко на посту президента. Об этом свидетельствуют его попытки установить полный контроль над средствами массовой информации в 1994 г., ликвидация местного самоуправления и замена ее президентской вертикалью в феврале 1995 г., провоцирование многочисленных конфликтов с парламентом, отказ подчиняться решениям Конституционного Суда и др. Однако решающую роль в концентрации всей полноты исполнительной, законодательной и судебной власти в руках президента сыграл ноябрьский кризис 1996 г. и принятие на референдуме «изменений и дополнений» к Конституции 1994 г. Этот документ де-факто «узаконил» передачу абсолютных полномочий одной персоне в государстве, отменил все существовавшие прежде контрольно-корректировочные механизмы. Президент превратился в единственный источник власти, причем «власти личной, а не организационной или военной», что, согласно С. Хантингтону, является важнейшей отличительной характеристикой персоналистских авторитарных режимов, «продолжительность существования которых совпадает (иногда буквально) с продолжительностью жизни диктатора».¹⁹ В настоящее время Лукашенко готов к очередной переделке Конституции «под себя», чтобы продлить свои полномочия и после окончания «легитимного срока» пребывания на посту главы государства в 2006 г.

Персоналистская форма авторитарной диктатуры, установленная в Беларуси, объясняется, прежде всего, крайней слабостью руководящей постсоветской элиты. Номенклатура в БССР была, наверное, одной из самых профессиональных, по советским меркам, но одновременно и самой провинциалистски ориентированной в СССР. Перестройка была организована наиболее прагматичной и дальновидной частью правящей элиты в центре, стремившейся превратить власть в собственность и узаконить свое положение в качестве не только политически, но и экономически

17 Huntington, *The Third Wave*, p. 111.

18 See: Linz and Stepan, *op. cit.*, pp. 51-54.

19 Huntington, *The Third Wave*, p. 143.

господствующего класса. Она была поддержана партийной и государственной элитой в союзных республиках, увидевших в этом процессе реальную возможность стать полновластными хозяевами в своих государствах, добившись их суверенитета. Вот почему так легко шел процесс превращения вчера еще ортодоксальных коммунистов в националистов в Центральной Азии, Закавказье, Украине. Т. Ремингтон в этой связи отмечает, что «несмотря на то, что советская идеология предусматривала, что в долгосрочной перспективе национальные различия сольются в общей советской национальной идентичности, в конце 80-х годов лидеры союзных республик выдвигали требования предоставления большей автономии своим республикам, а во многих из них сформировалось могучее массовое движение за национальную независимость».²⁰

Другой была ситуация в Беларуси: политический класс этой страны в силу неразвитости национального сознания, сервильного комплекса местных чиновников, боязни конкуренции в рыночных условиях, гипертрофического развития идеологических и военных звеньев номенклатуры фактически отверг политику реформ. Беларусь во второй половине 80-х годов представляла собой «Вандею перестройки». Местная правящая группировка КПБ сделала ставку на победу консервативных сил в Кремле и всячески саботировала политические и экономические преобразования, а нарождающаяся контрэлита готовилась к длительному процессу воспитания национально-сознательных белорусов, без превращения которых в большинство общества она не мыслила себе прихода к власти. Как справедливо замечает белорусский политолог В. Карбалевич, «отличие белорусской элиты от других было в том, что она была более искренне советской, в большей степени стремилась на практике реализовать официально декларированные цели и принципы КПСС. Еще Хрущев говорил, что из всех республик СССР Беларусь первой придет к коммунизму».²¹

Все это происходило на фоне взрыва антикоммунистических популистских настроений, достигших своего пика весной 1991 г., в ходе массовых рабочих забастовок. Они свидетельствовали о том, что общество осознало необходимость смены элит, но не готово было вручить бразды правления национально ориентированной контрэлите и отдало предпочтение антикоммунистическим популистам. Поскольку оппозиция в тот момент не выдвинула популярной экономической и социальной альтернативы, политический кризис конца 80-х – начала 90-х годов в Беларуси так и не привел к смене власти. Она произошла позже и повлекла за собой утверждение во главе государства востребованного обществом диктатора-популиста, победившего и коммунистическую номенклатуру, и демократическую оппозицию.

20 T. Remington, "Politics in Russia," in G. Almond and B. Powell, eds., *Comparative Politics Today*, 6-th edition (N.Y.: Harper Collins, 1996), p. 383.

21 Карбалевіч В. Беларуская наменклатура ў перыяд трансфармацыі: эвалюцыя сацыяльнага статусу і палітычнай ролі // Грамадзянская альтэрнатыва. 1999. № 10. С. 10.

Установление режима личной власти было облегчено и тем обстоятельством, что уровень политической институционализации новой политической системы независимой Беларуси был существенно ниже того, который существовал в советские времена. Старые институты, отвечавшие за рекрутирование правящей элиты, были разрушены, новые работали с большими сбоями. Крайне низкой была степень автономии институтов политической системы. Это сделало возможным прорыв к центрам принятия политических решений периферийных акторов, которые в обычные времена были бы обречены на прозябание. В Беларуси в первой половине 90-х годов подтвердился вывод С. Хантингтона, сделанный им еще в 1968 г., о том, что «в политических системах с высоким уровнем институционализации наиболее важные лидерские позиции обычно могут занимать только теми людьми, кто прошел курс ученичества, занимая менее значимые позиции. Сложность политической системы содействует ее автономии, обеспечивая большое разнообразие организаций и постов, в которых индивиды проходят подготовку к получению высшей должности... Так политическая система ассимилирует новые социальные силы, новых людей, не принося в жертву свою институциональную целостность. В политической системе, лишенной таких защитных приспособлений, новые люди, новые идеи, новые социальные группы могут сменять друг друга в центре системы с ошеломляющей быстротой».²²

Организация власти и правления

Общей чертой всех авторитарных режимов является, согласно Макридису и Бергу, «концентрация власти в руках ограниченной политической элиты»... В персоналистских диктатурах, которые авторы называют «современными тираниями», власть носит «личный и абсолютный характер».²³ Персоналистский режим Лукашенко в Беларуси опирается на концентрацию в руках президента всей полноты законодательной, исполнительной и судебной власти.

Двухпалатный *парламент* был назначен президентом из числа послушных ему депутатов Верховного Совета XIII созыва, который был разогнан Лукашенко после так называемого конституционного референдума 1996 г., результаты которого были грубо сфальсифицированы и не признаны законными большинством стран-членов ОБСЕ. В 2000 г. в Беларуси проводились парламентские выборы, которые прошли с серьезными нарушениями принципов «свободного и справедливого» волеизъявления избирателей. Подавляющее большинство оппозиционных партий их бойкотировало. Тем не менее, выборы позволили несколько повысить степень легитимности парламента, хотя и не привели к расширению его полномочий. Указы Лукашенко по-прежнему имеют большую «юридическую

22 Huntington, *Political Order*, pp. 21-22.

23 Macridis and Burg, *op. cit.*, pp. 122, 126.

силу», чем нормативные акты этого высшего законодательного органа власти. Верхняя палата – Совет Республики – не избирается населением, а прямо и косвенно формируется президентом. В соответствии с Конституцией 1996 г., она является палатой территориального представительства. «От каждой области и города Минска тайным голосованием избираются на заседаниях депутатов местных Советов, депутатов базового уровня каждой области и города Минска по восемь членов Совета Республики. Восемь членов Совета Республики назначаются Президентом Республики Беларусь».²⁴ Верхняя палата задумывалась как своеобразный страховочный барьер против прохождения через парламент не угодных президенту законопроектов.

Однако такая мера предосторожности оказалась излишней. Палата представителей (нижняя палата парламента) полностью послушна воле главы государства. Законопроекты, вносимые президентом, принимаются депутатами почти единогласно. В парламенте отсутствуют партийные фракции, существуют лишь депутатские группы, очень аморфные и лишенные четкой идеологической ориентации, за исключением немногочисленной группы КПБ (пропрезидентской компартии). В последнее время определенные оппозиционные тенденции проявляются в деятельности депутатской группы «Республика» (15 человек).

Парламент в его нынешнем положении не в состоянии контролировать деятельность правительства и президента. Депутаты формально утверждают в должности премьер-министра и основных членов Совета Министров. Они обладают также правом вынесения вотума недоверия правительству. Однако с 1996 г. не было ни одного примера, когда белорусские парламентарии не то что воспользовались этим правом, но хотя бы предъявили серьезные претензии правительству. И дело здесь не только в том, что у президента, в соответствии с Конституцией, есть право роспуска Палаты представителей в случае вынесения вотума недоверия правительству, а также право, действуя через Конституционный Суд, досрочно прекратить полномочия обеих палат «в случае систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции».²⁵ У депутатов выработалась привычка не заходить на «чужую территорию». Они в подавляющем большинстве своем понимают, что в современной Беларуси только президент обладает правом критики и отстранения своих министров. Право возбуждения процесса импичмента в отношении президента из-за крайне сложной процедуры и зависимого положения белорусских депутатов превратилось после 1996 г. в пустую формальность. Таким образом, белорусский парламент в действительности лишен большинства важнейших полномочий, которые давали бы ему возможности активно влиять на по-

24 Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. Мінск, 2002. С. 26.

25 Там же. С. 28.

литический курс страны и сдерживать чрезмерные властные амбиции президента.

Исполнительная власть осуществляется через полностью подотчетное перед Лукашенко *правительство* и систему «президентской вертикали» – административную пирамиду со строгой зависимостью нижестоящих звеньев от вышестоящих. Формально, по Конституции, президент является только главой государства, но фактически он узурпировал право руководителя правительства.²⁶ Премьер-министр и члены Совета Министров являются не политиками, а хозяйственниками в современной Беларуси. Глава государства вмешивается во все, даже второстепенные и частные проблемы деятельности правительства. Он решает все кадровые вопросы, регулярно заслушивает отчеты министров и дает им задания, проводит «селекторные совещания», на которых публично критикует и отстраняет от должности «провинившихся» членов Совета Министров и глав регионов. Правительство выполняет роль «громоотвода», на него списываются все неудачи и просчеты во внутренней и внешней политике страны.

Взаимоотношения между главой государства и правительством являются наглядной демонстрацией популистски-плебисцитарного стиля управления Лукашенко. Как отмечает в этой связи белорусский политолог А. Лысюк, «плебисцитарность имеет в виду противопоставление авторитарным лидером государственной элиты народу, артикуляцию им (лидером) идеи антинародности совокупного «начальства», а также постоянное использование его особых представителей в роли жертвенных агнцев».²⁷

«*Президентская вертикаль*» заменила собой систему местного самоуправления в Беларуси еще в самом начале правления Лукашенко. Статья 14 Закона Республики Беларусь О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О местном самоуправлении и местном хозяйстве» от 9 февраля 1995 года ввела практику фактического назначения председателей облисполкомов президентом страны. Те, в свою очередь, назначают председателей райисполкомов. После этих изменений исполкомы фактически вышли из под контроля местных представительных органов (Советов) и стали придатком государственной администрации. Из 22-х пунктов исключительных полномочий, которыми располагали местные Советы по закону 1991 года, по Конституции 1996 года за ними было оставлено всего 5. В Беларуси произошло огосударствление органов местного самоуправления. «От Советов, как носителей идеи са-

26 Там же. С. 20, 35. В соответствии со ст. 79 Конституции 1996 г. Президент является главой государства и гарантом Конституции. Статья 106 Конституции говорит о том, что исполнительная власть в стране принадлежит правительству – Совету Министров, работой которого руководит Премьер-министр. Правительство лишь подотчетно Президенту.

27 Лысюк А. Беларуская дзяржаўная эліта і праблема трансфармацыі беларускага грамадства // Грамадзянская альтэрнатыва. 1999. № 11. С. 16.

моуправления, пусть даже в урезанном, советском варианте, не осталось и следа: они были заменены президентской вертикалью», справедливо утверждает белорусский юрист М. Плиско.²⁸ Местоположение чиновников в этой вертикали не зависит ни от их профессионализма, ни от опыта, или выслуги лет. Единственный фактор, который определяет место, занимаемое тем или иным должностным лицом в иерархии власти, – это личная преданность Лукашенко.

После конституционного референдума 1996 г. произошла легализация Администрации президента, которая является вторым по влиянию после самого главы государства центром власти в стране. Именно в недрах администрации готовятся проекты декретов и законов, разрабатываются варианты стратегии развития государства. По своему политическому весу эта структура является значительно более влиятельной, чем парламент и правительство.

Президент в Республике Беларусь контролирует не только исполнительную и законодательную ветви власти, но также и судебную. Он имеет право назначать на должность и отстранять от должности председателей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, назначает шесть судей Конституционного суда (шесть других дает верхняя палата парламента), иных судей Республики Беларусь. Он также назначает и снимает Генерального прокурора, председателя Комитета государственного контроля. Беларусь при Лукашенко деградировала почти до уровня деспотической системы, описанной в XVIII в. Ш-Л Монтескье, в которой суверен единолично принимал законы, претворял их в жизнь, судил и карал подданных за их нарушение.

Таким образом, в Республике Беларусь уничтожена система разделения властей, которая служила гарантией от чрезмерной концентрации власти в руках того или иного высшего органа власти. В терминологии Мориса Дюверже современный политический порядок Беларуси можно назвать «режимом слияния властей, предполагающим, что все основные политические решения принимаются одним органом государства».²⁹ Таким органом у нас является президент и его администрация. По форме правления Республика Беларусь стала типичной суперпрезидентской республикой.

Если сопоставить организацию власти и правления в Беларуси с идеальными характеристиками политических режимов, предложенных Линцем и Степаном, можно сделать вывод о том, что по этому параметру («руководство») режим Лукашенко занимает промежуточные позиции между авторитаризмом и «султанизмом». С одной стороны, в белорусской политической системе лидер, а не небольшая группа «осуществляет

28 Плиско М. Местное самоуправление // Школа гражданского образования. С. 339-340.

29 М. Duverger, *The Study of Politics* (London: Thomas Nelson, 1972), p. 82.

власть в рамках, формально плохо определенных, но реально достаточно предсказуемых норм». Предпринимаются также «усилия по кооптации групп прежней элиты» (бывшей коммунистической номенклатуры, в нашем случае). Вместе с тем в политической системе Беларуси крайне слабо выражена свойственная авторитарным режимам «автономия государственных служащих и военных». ³⁰

С другой стороны, такие типичные черты «султанизма», как «в высшей степени персоналистское и основанное на произволе правление; отсутствие автономии государственных служащих; подчинение руководителю», опирающееся на страх и личные вознаграждения; формирование окружения руководителя из друзей, коллег по работе, людей причастных к применению насилия для сохранения устойчивости режима; получение должностей в зависимости от чисто личного подчинения руководителю» присущи и нынешнему политическому устройству Беларуси. Хотя в нашей стране еще сохраняются формальные «рационально-легальные ограничения» власти президента, пока что отсутствуют «сильные династические тенденции», а руководитель государства стремится легитимировать свое господство «ссылками на идеологию», что не характерно для классических «султанистских» режимов. ³¹

Организация интересов

Авторитарное руководство, по мнению Макридиса и Берга, сталкивается с двумя противоречащими друг другу задачами. «С одной стороны, оно намерено избавиться от конфликтов в обществе и подавить оппозицию. С другой стороны, оно должно обеспечить хотя бы минимальное согласие населения с проводимой политикой, если не ощутимую поддержку ей». Авторитарный режим выстраивает определенную систему взаимоотношений с различными социальными силами и группами интересов. «Он обеспечивает удовлетворение материальных требований тех групп, на которые власть опирается, за счет ухудшения положения других групп, на сочувствие которых власть не может рассчитывать. Для населения политическое участие ограничивается только теми формами, которые способствуют повышению эффективности режима и поддержанию общественного порядка». ³² Это обычно приводит к существованию в обществе экономического и социального плюрализма, но к существенному ограничению политического плюрализма. Как же обстоят дела с организацией интересов в современной Беларуси?

В течение 12 лет независимости Беларусь почти не сдвинулась с мертвой точки в проведении глубоких рыночных реформ. По-прежнему доминирующие позиции (около 70%) занимает государственная собствен-

30 Linz and Stepan, *op. cit.*, p. 45.

31 *Ibid.*

32 Macridis and Burg, *op. cit.*, p. 123.

ность на средства производства. Отсутствие осязаемого прогресса в области экономических преобразований серьезно влияет на процессы артикуляции и агрегирования интересов на «входе» в политическую систему, сужает пространство для экономического, социального и особенно политического плюрализма.

Средства массовой информации строго контролируются правительством. Радио и телевидение полностью монополизированы государством. Независимые газеты из-за экономического шантажа со стороны властей и открытых политических репрессий вынуждены сокращать тиражи своих изданий. После президентских выборов 2001 г. власти ужесточили свое давление на независимые СМИ, что привело к дальнейшему сокращению тиражей и закрытию изданий. За один только август 2002 г. в Беларуси перестало выходить пять популярных независимых газет, а главные редакторы двух из них отбывают наказание за «оскорбление личности президента», которое усмотрели суды в некоторых публикациях этих изданий. В конце мая 2003 г. был приостановлен выход «Белорусской деловой газеты», одной из наиболее популярных независимых газет.

В Беларуси в настоящее время насчитывается более 2300 неправительственных организаций. Однако и они поставлены в такие условия, что должны или полностью подчиняться режиму, или сталкиваться с ежедневными проверками, платить огромные штрафы, прекращать свою деятельность. То же самое можно сказать и о свободных профсоюзах и предпринимательских ассоциациях.

Кампания так называемой перерегистрации неправительственных организаций, партий и профсоюзов, которая проводилась в 1999 г., привела к сокращению количество НПО примерно на 1200 организаций и до настоящего времени численность неправительственных организаций не достигла того уровня, который был перед началом кампании. Белорусскими властями был введен разрешительный принцип регистрации вместо уведомительного, создана неконституционная структура – Комиссия по регистрации и перерегистрации при президенте РБ, которая угрожает жестким преследованием тем организациям и инициативам, которые продолжают свою деятельность после получения отказа в перерегистрации от правительства. В соответствии с Декретом президента Республики Беларусь от 26.01.1999 г. № 2 «деятельность незарегистрированных и не прошедших перерегистрацию общественных объединений на территории Беларуси запрещена. За осуществление деятельности от имени таких организаций установлена административная ответственность».³³ Это положение гру-

33 О некоторых мерах по упорядочению деятельности политических партий, профессиональных союзов, иных общественных объединений: Декрет Президента Республики Беларусь от 26.01.1999 № 2 (изм. и доп. от 13.07.1999 № 26 от 18.04.2001 № 9) // Правовое положение общественных объединений в Республике Беларусь: Сборник нормативно-правовых актов. –4-е изд. Минск, 2001. С. 96.

бейшим образом нарушает право граждан на объединение и создание ассоциаций, зафиксированное во Всеобщей декларации прав человека.

Политические партии, лишенные возможности ведения нормальной конкурентной борьбы в парламенте и местных органах власти, агитировать своих избирателей с помощью средств массовой информации, в том числе электронных, оказались в изоляции от общества. Большая их часть мало чем отличается от политических клубов и неправительственных организаций. Некоторые партии пытались заполнить возникший вакуум «уличной политикой». Однако ее возможности оказались ограниченными из-за драконовского законодательства, принятого в Беларуси против организаторов несанкционированных демонстраций и митингов, а также из-за ошибок самих организаторов этих акций. Слабость белорусских политических партий, как считают многие белорусские исследователи, объясняется «антипартийной» ментальностью многих слоев населения, особенностями избирательной системы, крайней узостью социальной базы, на которую могут опереться партии. Однако самая главная причина – это принцип, которым руководствуются действующие власти нашей страны: «в белорусской политике должен быть только один субъект – сама власть».³⁴

Курс на утверждение контроля государства над гражданским обществом сопровождается процессом, который В. Карбалевич назвал «приватизацией государства» президентом. «В Республике Беларусь быстро создается невиданная в современном мире форма собственности – президентская».³⁵ Управление делами Лукашенко взяло в свое распоряжение приносящую прибыль недвижимость и другие хозяйственные объекты.

Таким образом, можно констатировать наличие в Беларуси крайне ограниченного экономического и социального плюрализма при отчетливой тенденции к ликвидации политического плюрализма, превращения его в декорацию, за которой скрывается монополизация всех политических функций в руках авторитарной власти. Это делает политическую систему Беларуси фактически беспартийной и неконкурентной.

Сравнивая степень развития *плюрализма* в Беларуси, как важнейшего индикатора организации интересов, с идеальными чертами современных политических режимов (по Линцу и Степану), мы можем констатировать промежуточное положение белорусского режима между авторитаризмом и «султанизмом» и по данному параметру. Если говорить о том, что роднит белорусский режим с классическим авторитаризмом, то это то, что политической системе Беларуси присущи некоторые элементы «социального и экономического плюрализма», правда, «не существовавшие в обществе до утверждения действующего режима». Однако почти не ощу-

34 Политические партии: Беларусь и современный мир. Минск, 2002. С. 141.

35 Карбалевич В. Приватызацыя дзяржавы // Грамадзянская альтэрнатыва. 1999. № 2. С. 24.

щается «ограниченный и неответственный политический плюрализм», хотя в стране и действует «полуоппозиция».³⁶

В то же время, как при «султанизме», в Беларуси сегменты экономического и социального плюрализма являются объектами часто «непредсказуемого и деспотического вмешательства» со стороны главы государства. У нас «не существует ни одной группы или индивида в гражданском обществе, политическом обществе или государстве, которые были бы гарантированы от применения против них деспотической власти» президента. В современной Беларуси отсутствует «правовое государство, низок уровень институционализации, высока степень переплетения частного и публичного».³⁷ Следует отметить, что эти черты «султанизма» замаскированы и не являются открытыми, как в традиционных восточных системах, многим из которых органично свойственен подобный режим. Для белорусского общества (индустриального и европейского) элементы «султанизма» являются все же внешними и навязанными.

Организация поддержки

Согласно Макридису и Бергу, авторитарные режимы в основном «стремятся к генерированию *инструментальной поддержки*, подчеркивая эффективность решений властей и наличие порядка в обществе».³⁸

Важной особенностью лукашенковского режима является его ориентация на *эмоциональную* или *диффузную поддержку*, в терминологии Д. Истона, не связанную с эффективностью осуществляемого политического курса.³⁹ Данные социологических опросов свидетельствуют, что в течение длительного времени значительные массы населения Беларуси (около 50% в 2001 г.) выражали готовность голосовать за Лукашенко на президентских выборах, но в то же время подавляющее их большинство имели доходы или ниже прожиточного минимума, который в Беларуси составлял тогда 52 USD (45% респондентов), или не достигали минимального потребительского бюджета в 86 USD (35%).⁴⁰

Преобладающим типом легитимации белорусского режима является харизматический, хотя он использует и элементы традиционной и рационально-легальной легитимации. В частности, белорусские власти апеллируют к советскому прошлому страны, советским традициям и символам. Данный подход ориентирован на пожилых людей, испытывающих носталь-

36 Linz and Stepan, op. cit., p. 45.

37 Ibid.

38 Macridis and Burg, op. cit.

39 See: D. Easton, "A Reassessment of the Concept of Political Support," *British Journal of Political Science* 5 (1975), pp. 435-457.

40 Данные опроса НИСЭПИ за сентябрь 2001 г. Минск: НИСЭПИ, 2001. Бюджет потребительского минимума в ценах декабря 2001 г. и минимальный потребительский бюджет приведены на основе данных Совмина и Министерства труда и социальной защиты.

гию по «добрым старым временам». Попытка опереться на законность и «власть процедуры» в качестве фактора легитимации ориентирована только на некоторых внешних адресатов и является крайне неубедительной.

Основной формой легитимации персоналистского режима внутри страны была и остается вера в харизму высшего руководителя. Подобный тип легитимации хорошо совмещается со стимулированием эмоциональной поддержки. В первые годы правления Лукашенко он достаточно эффективно сочетал формирование в сознании масс веры в «свой особый дар» с «негативной легитимацией», как назвал данный феномен С. Хантингтон.⁴¹ Последняя опирается на критику политики своих предшественников, обещания укрепления законности и порядка и т.п. Известно, что Лукашенко пришел к власти в Беларуси под лозунгом борьбы с коррупцией в структурах власти. Глава государства неоднократно обращался к своим избирателям как их защитник от произвола чиновников, борец за справедливость и порядок. Однако с течением времени фактор негативной легитимности почти полностью исчерпал себя, а популистские меры снизили свою эффективность.

Лукашенковский режим не является жестко идеологизированным, что отличает его от тоталитарного. В то же время общественному сознанию прививаются откровенно антидемократические и антизападные идеи. Широко пропагандируется пророссийская панславянская и панправославная ментальность. Беларусь изображается как форпост, который препятствует распространению «тлетворных» либеральных ценностей и взглядов, а ее президент позиционируется в качестве «собирателя славянских земель и восстановителя Советского Союза», который распался в результате «империалистического заговора». В этом духе выдержан и текст так называемой государственной идеологии, с которым Лукашенко выступил на постоянно действующем семинаре руководящих работников в конце марта 2003 г.⁴²

Белорусская государственная идеология не выходит за рамки обычных для некоторых видов авторитарных режимов попыток крайне неубедительного и противоречивого идейного обоснования существующей системы власти. Главной ее миссией является подкрепление харизматической легитимности Лукашенко идеологической легитимностью созданной им системы. На наш взгляд, эта задача так не была решена. Дело в том, что никакой популярной идеологии не получилось, а для того, чтобы выдвинутые лозунги сработали и обеспечили искомую консолидацию общества вокруг «белорусской модели» и политическую мобилизацию в поддержку курса лидера государства, они должны доказать свою эффективность. В условиях же роста экономических и социальных проблем, которые ощущаются сегодня, обращение к идеологии может вызвать обратную

41 See: Huntington, *The Third Wave*, pp. 46-58.

42 См.: Советская Белоруссия. 29 марта 2003.

реакцию: негодование людей и готовность к массовым протестным действиям только усилятся.⁴³

Режим личной власти в Беларуси не опирается на правящую партию, как инструмент мобилизации тотальной поддержки. Он не заинтересован в существенной политизации общества и делает все, чтобы с помощью репрессий, СМИ, спортивных и развлекательных мероприятий деполитизировать общественное сознание, вселить в подданных убеждение, что политика – это дело «всенародно избранного президента», который сам решит все проблемы простого человека, «запустит заводы», разберется с коррупцией, стабилизирует цены и т.д. Рядовые граждане взамен должны отвечать полным послушанием и радоваться жизни, которую обеспечил им глава государства.

Важнейшими параметрами сравнения политических режимов в сфере организации поддержки, согласно Х. Линцу и А. Степану, являются *роль идеологии и политической мобилизации*. Нынешний белорусский режим по этим показателям находится ближе к классическому авторитаризму, чем к «султанизму». Для современной Беларуси подходят такие черты авторитарного режима, как «политическая система функционирует без разработанной и играющей руководящую роль идеологии (провозглашенная недавно государственная идеология пока что не играет господствующей роли в политической системе – *зам. автора*), но с определенной (недемократической) ментальностью», а также «политическая система не осуществляет экстенсивную или интенсивную мобилизацию, за исключением лишь некоторых этапов в своем развитии».⁴⁴

Беларуси не присущи такие признаки «султанизма» (по крайней мере, в данный момент), как «чрезмерное восхваление вождя, отсутствие идеологии или даже какой-либо особой ментальности вне связи с деспотическим персонализмом, отсутствие усилий по оправданию основных инициатив режима ссылками на идеологию, периодическая мобилизация связанных с государством групп, которые используют насилие против противников» президента. Вместе с тем некоторые черты классического «султанизма» в области организации поддержки присутствуют и в Беларуси. Например, режим Лукашенко активно прибегает к «произвольному манипулированию символами». Время от времени белорусский режим прибегает к «манипулятивной мобилизации церемониального типа, с использованием клиентелистских методов и без создания перманентной организации».⁴⁵

43 See: U. Rouda, “Lukashenkas’ State Ideology,” *Belarusian Review* 15:2 (Summer 2003).

44 Linz and Stepan, *op. cit.*, p. 45.

45 *Ibid.*

Организация прав

Макридис и Берг, рассматривая власть в современных тираниях (персоналистских режимах), подчеркивают, что индивиды в такой системе являются не просто подданными, но становятся в буквальном смысле слова рабами. «Жизнь и собственность индивида полностью зависят от воли его господина».⁴⁶ На наш взгляд, эти черты характерны лишь «султанистским» разновидностям диктатур личной власти. Вместе с тем любая авторитарная диктатура грубо нарушает права человека.

Отсутствие массовой мобилизации поддержки режиму Лукашенко компенсируется гипертрофированным развитием карательных органов и сил безопасности. Беларусь в этом плане является подлинным полицейским государством. На 10 миллионов населения у нас приходится 130 000 сотрудников милиции и солдат внутренних войск. Главная их обязанность – это не борьба с преступностью, а обеспечение «безопасности» президента, разгон уличных манифестаций и митингов, поддержание атмосферы страха в обществе. В ежегодном обзоре состояния политических прав и гражданских свобод в мире за 2001 г. авторитетная международная организация “Freedom House” указывает, что в Беларуси из государственного бюджета на содержание службы охраны президента отпускается больше средств (3 млн. USD), чем на содержание депутатов парламента и чиновников правительства вместе взятых.⁴⁷

Карательная государственная машина действует в стране выборочно. За два года до президентских выборов 2001 г. в Беларуси пропали без вести наиболее опасные для режима политические конкуренты, а один из вероятных претендентов на пост президента от объединенной оппозиции Г. Карпенко неожиданно скончался от сердечного приступа.

После переизбрания Лукашенко на новый срок усилились репрессии против известных хозяйственных руководителей, которые недостаточно усердно поддерживали главу государства во время выборов. Карающий меч белорусской фемиды ударил по руководству белорусской железной дороги, завода «Атлант», МТЗ и некоторых других предприятий. В стране действует более 20 государственных проверяющих структур, которые собирают «компромат» на чиновников и хозяйственных руководителей. Многие аналитики рассматривают это как предупреждение, сделанное главой государства представителям административной и хозяйственной элит, которые он собирается и дальше держать под жестким личным контролем.

Несмотря на то, что в 2001 г. в Беларуси был принят новый Уголовный кодекс, он не стал более либеральным. По-прежнему следственное управление действует под непосредственным руководством МВД, Проку-

46 Macridis and Burg, op. cit., p. 127.

47 See: *Freedom House in the World. The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties* (N.Y.: Freedom House, 2002).

ратуры и КГБ. Данные службы активно используются властями для ведения политического сыска и осуществления выборочных акций устрашения против видных противников режима.

По такому параметру, как *организация прав* нынешний белорусский режим является умеренно-жесткой авторитарной диктатурой. Несмотря на то, что проводятся политические репрессии, они пока еще не приобрели массового характера, как при тоталитаризме. С другой стороны, использование парамилитарных структур против оппонентов власти, что, согласно Линцу и Степану, резко разграничивает авторитаризм и «султанизм», носит спорадический характер в Беларуси, что не позволяет идентифицировать режим Лукашенко с классическим «султанизмом».⁴⁸

Таким образом, анализ черт политического режима Беларуси позволяет сделать вывод о его промежуточном положении между авторитаризмом и «султанизмом». Низкий уровень институционализации политической системы, отсутствие четких барьеров между сферами «публичного» и «частного», углубление изоляции страны на международной арене, некоторые черты характера Лукашенко содействуют усилению тенденций «султанизма». Однако неорганичность этого типа режима в Беларуси, с ее историческими и культурными традициями, индустриальным и образованным обществом в европейской стране, развитие процессов глобализации не позволяют Лукашенко заходить слишком далеко по пути установления ничем не ограниченного личного господства.⁴⁹

Мы считаем, что политический режим Беларуси является персоналистской авторитарной диктатурой с элементами «султанизма», в которой все политические функции монополизированы президентом, установлен режим слияния властей, существует ограниченный экономический и социальный плюрализм, но почти полностью отсутствует политический плюрализм, конкурентная партийная система. Данному режиму не свойственна ориентация на массовую мобилизацию поддержки и идеологизация общественной жизни, но в общественное сознание внедряются антидемократические и антизападные представления, существует практика преследований людей по политическим мотивам при отсутствии постоянной кампании массовых репрессий.

48 Linz and Stepan, *op. cit.*, p. 53.

49 Автор статьи лишь частично разделяет точку зрения С. Эйка и Т. Кузио, которые причисли белорусский режим к восточно-европейским разновидностям «султанизма». По нашему мнению, политической системе, созданной Лукашенко, свойственны лишь некоторые черты «султанизма», сама же она все еще остается персоналистской авторитарной диктатурой. See: S. Eke and T. Kuzio, "Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus," *Europe-Asia Studies* 52:3 (May 2000), pp. 523-547.

НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ

Если рассматривать белорусский политический режим сквозь призму его отношения к модернизации, можно сделать вывод о *консервативной направленности* диктатуры личной власти Лукашенко. Причины, приведшие к подобному выбору, связаны не только с той политической конъюнктурой, которая сложилась в нашей стране в середине 90-х годов, но и со слабостью и неконсолидированностью властной элиты, ее неготовностью работать в условиях свободной экономической и политической конкуренции. Такие же настроения преобладали и среди широких слоев белорусских граждан, опасующихся перемен, боящихся утратить пусть и малый, но гарантированный заработок, получаемый от государства. Реформаторская прослойка белорусского общества оказалась чрезвычайно узкой и невлиятельной. Совпадение интересов большей части элиты и масс и породило феномен лукашенковского режима, *антирыночного и антидемократического по направленности, сделавшего выбор в пользу политики социального популизма.*

Социальный популизм

Популизм – это определенная разновидность политической стратегии, которая опирается на расчетливое использование апелляций к интересам или предубеждениям простых людей. Данная стратегия приобрела особую популярность в странах, которые столкнулись с социально-экономическими вызовами модернизации. В США в конце XIX – начале XX в. популизм отстаивал интересы фермеров и городской мелкой буржуазии, выступавших против безудержного роста влияния большого бизнеса и промышленных монополий.⁵⁰ В России примерно в то же время, что и в Америке, сформировалось народническое движение, делавшее акцент на использование сельской общины в качестве инструмента коренной социальной перестройки общества на принципах социального равенства. На Балканском полуострове во второй половине XIX в. и первых десятилетиях XX в. крестьянский популизм использовался некоторыми политиками в стремлении противодействовать чрезмерной капитализации и урбанизации общества. Элементы популизма были свойственны многим тоталитарным диктаторам: от Муссолини и Гитлера до Сталина и Мао. Но наибольшую известность получил латиноамериканский популизм, который стал обслуживать интересы городских слоев населения в их борьбе против господства латифундий.

Мы согласны с мнением японского ученого К. Мацузато, который считает, что многие черты латиноамериканского популизма, осознанно, либо

50 See: S. Lipset, *Political Man*, expanded ed. (Baltimore: The John Hopkins University Press, 1981), p. 169.

неосознанно, проявляются в поведении политических акторов ряда стран СНГ и особенно Беларуси, где социал-популизм стал доминирующим политическим течением после прихода к власти Лукашенко в 1994 г. Тем самым Беларусь превратилась в «изолированный остров популизма, окруженный водами океана клановой политики».⁵¹

В Латинской Америке популизм явился результатом революции урбанизации. Он бросал вызов традиционным олигархическим аграрным элитам, был проявлением стремления городских слоев повысить уровень благосостояния, получить доступ к образованию, государственным программам социального вспомоществования, расширить свое участие в политике.⁵²

В нашей стране *главным социальным оплотом популизма выступила наименее развитая, наименее образованная региональная сельская и городская номенклатура*, представляющая преимущественно Восточную Беларусь, с ее крайне низким уровнем национального самосознания и традиционной ориентацией на Россию. Восточная часть страны является более урбанизированной, советизированной и про-российски настроенной, чем западная. Выходцы из этого региона, а также не белорусы, преобладающие в средних звеньях управленческой бюрократии, оказали серьезное влияние на Лукашенко (выходца из Могилевской области) при выборе стратегии развития государства.⁵³ *Благодарными адресатами социал-популизма стали колхозники и рабочие совхозов, наименее квалифицированная часть рабочих, пенсионеры*, которые опасались развития частнособственнических отношений в сельском хозяйстве, закрытия нерентабельных промышленных предприятий, массовых увольнений, сокращения социальных выплат и пособий.

Антирыночная популистская политика Лукашенко с полным основанием может быть названа *«реакционной*, поскольку выступает за реставрацию существовавшей прежде, в представлении масс, справедливости».⁵⁴ В белорусском варианте таким «царством справедливости» изображается Советский Союз и БССР как лучшая и наиболее процветающая часть великого государства. В своем выступлении, посвященном введению в Беларуси государственной идеологии, Лукашенко подчеркнул, что «именно с образования в составе Советского Союза Белорусской Советской Социалистической Республики начинается наша государственность... Годы, проведенные в составе Советского Союза, для нас имеют очень большую ценность. Они нам дали столько, сколько не мог дать до этого ни один

51 K. Matsuzato, "A Populist Island in the Ocean of Clan Politics: The Lukashenka Regime as an Exception among CIS Countries," forthcoming in *Europe-Asia Studies* 56:2 (2004).

52 Ibid.

53 See: Eke and Kuzio, op. cit., p. 10.

54 Matsuzato, op. cit.

период существования белорусских земель в составе того или иного государства».⁵⁵

Необходимо признать, что в этих утверждениях президента содержится определенная доля истины. БССР действительно имела определенные преимущества в бывшем СССР. Ее называли «витриной социализма» и «сборочным цехом» Советского Союза. Быстрая индустриализация и урбанизация в послевоенный период позволили существенно повысить жизненный уровень населения. Правда, та же социалистическая индустриализация привела к тому, что доминирующие позиции в экономике заняли крупные предприятия, значительная часть которых была связана с военно-промышленным комплексом. Они выпускали продукцию, пользующуюся спросом исключительно на советском рынке. Огромную проблему представлял и экономически неэффективный аграрно-промышленный комплекс. Другими словами, трудности осуществления структурных реформ социалистической экономической системы в Беларуси обусловили псевдореформы эпохи Кебича, топтание на месте, что подготовило почву для лукашенковского популизма. Рост экономических проблем суверенной Беларуси после распада СССР привел к тому, что избиратели были готовы поддержать того политика, который обещал им движение не вперед к рынку и демократии, а назад – к социальной защищенности и восстановлению Советского Союза. Поэтому белорусский вариант популизма может быть отнесен к категории ориентированных на защиту населения и поиск врагов, над которыми он должен демонстрировать постоянные победы.

Любой популизм имеет *антиэлитистскую направленность*. Политический курс Лукашенко в этом плане не является исключением из правил. Более того, как отмечает К. Мацузато, Лукашенко всегда обращается к массам, стремясь спровоцировать их антиэлитистские чувства, и атакует элиты сверху и снизу. Он добился успеха в подавлении попыток создания любых кланов представителями элит, будь то парламентариями, бюрократией, финансовой олигархией, руководством отраслей промышленности или руководством регионов. Лукашенко позволяет существовать только своему собственному клану. «Эта монополистическая клановая политика оправдывает свое существование популистским имиджем политики, традиционным для пост-коммунистических стран, сконструированным только из двух действующих лиц: лидера и народа».⁵⁶

Пирамида абсолютной власти используется Лукашенко для постоянной демонстрации народу своей способности «наводить порядок», ставить на место зарвавшихся бюрократов из центральных и местных административных структур. Представители правящей элиты в современной Бе-

55 Лукашенко А. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию // Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. Минск, 2003. С. 13.

56 Matsuzato, op. cit.

ларуси фактически беззащитны перед произволом высшего должностного лица. Постоянное «жертвоприношение» чиновников, тем не менее, функционально. Оно обеспечивает относительную стабильность нынешней политической системы, союз охранительного сознания властей и эгалитаризма масс на почве их неприятия реформизма интеллигенции и средних слоев. Эта негативная коалиция, как указывал А. Амальрик, является одной из фундаментальных черт консервативно окрашенного популизма.⁵⁷

Лукашенко следует основным канонам популизма в своем стремлении добиться *экономического роста*, любой ценой продемонстрировать преимущества созданной им экономической и политической модели. Несмотря на популистскую риторику периода избирательной кампании 1994 г., Лукашенко был вынужден после его избрания на пост президента пересмотреть на время свои приоритеты и поддержать программу половинчатых рыночных реформ. Однако и они сопровождались антирыночными высказываниями и действиями президента. В октябре 1994 г., после обвала национальной валюты, он выступил по национальному телевидению и потребовал от торговой сети «открутить цены назад», а от правительства – компенсировать издержки.

Наступление на реформы началось с отставки С. Богданкевича с поста председателя Национального банка Беларуси в конце 1995 г. Была проведена национализация банковской системы: государство получило контроль над шестью крупнейшими белорусскими банками, которые контролировали 85% всех активов, 85% выделенных кредитов и 40% собственного капитала всего белорусского банковского сектора.⁵⁸ В марте 1995 г. Лукашенко подписал указ об аннулировании итогов первого чекового аукциона, проведенного в рамках государственной программы приватизации, и приостановил деятельность чековых инвестиционных фондов более чем на год. Летом 1995 г. он запретил заключать любые крупные сделки по приватизации без его согласия. Указ президента № 208 от 24 мая 1996 г. предусматривал перерегистрацию всех частных фирм в Беларуси, а также увеличивал размер минимального уставного фонда, необходимого для легализации деятельности частных компаний. В 1998 г. Лукашенко приказал ввести так называемую «золотую акцию» на крупных предприятиях, которые были полностью или частично приватизированы до 1994 г. «Золотая акция» позволяла государству беспрепятственно вмешиваться в деятельность хозяйственных субъектов и означала их фактическую ренационализацию. Президент Беларуси, игнорируя потребности экономической эффективности, решительно выступил за обеспечение полной занятости. Открывая первую сессию Верховного Совета XIII созыва, он заявил, что «мы должны расстаться с теми руководителями,

57 Амальрик А. Идеология в советском обществе // Погружение в трясину (опыт застоя). М., 1991. С. 675-683.

58 Сборник указов Президента Республики Беларусь. Минск, 1995. С. 225-228.

которые сегодня планируют сокращение рабочей силы на 3, 5, 10%, чтобы стимулировать тех, кто остается. В это трудное время наше обязательство – поддержать людей, защитить рабочих и крестьян, а не выбрасывать их за ворота государственных предприятий». ⁵⁹ Усилия главы государства по реставрации основных элементов командной экономики увенчались принятием «Основных направлений социально-экономического развития на 1996-2000 гг.» – некоего подобия существовавших в СССР пятилетних планов.

Вторым витком экономического популизма в Беларуси стали меры по стимулированию экономического роста в конце 90-х годов. Помимо внутривластных причин этой кампании, связанных с необходимостью консолидации власти после государственного переворота, следует назвать не менее важные внешнеполитические причины. Белорусский исследователь В. Силицкий считает, что усилия властей были сконцентрированы на том, чтобы превратить Беларусь в «пример экономического роста, достигнутого без реформ. Лукашенко пытался занять значительное место на российской политической арене. Он стремился как можно сильнее поразить избирателей в российской провинции экономическими достижениями Беларуси, противопоставляя их экономической нестабильности, социальному расслоению и задержкам зарплат в России». ⁶⁰

Для реализации сценария «белорусского экономического чуда» были использованы элементы латиноамериканского популизма в сочетании с хорошо известными рецептами оживления командно-административной экономики. В отличие от Чили начала 70-х и Перу 80-х годов, правительство Лукашенко не пошло по пути увеличения фискального дефицита бюджета. Вместе с тем, Национальный банк, попавший под полный контроль правительства, печатал столько денег, сколько от него требовалось. Наполнение экономики необеспеченными товарами деньгами, которые выделялись в виде льготных кредитов государственным предприятиям для перераспределения между отраслями экономики, – это характерная черта советской хозяйственной политики, которая была повторена Лукашенко, что привело к временному оживлению экономики при усилении опасных макроэкономических диспропорций. Как отмечает В. Силицкий, «увеличение инвестиций в производственный сектор было недостаточным, чтобы компенсировать амортизацию основных фондов, которые по-прежнему проедались, поскольку расходы на их обновление были ограничены президентскими указами и едва достигали 29% от необходимой величины. Вместо этого деньги тратились на финансирование роста производства. В результате промышленное оборудование было изношено приблизительно на 70-80%... Каждое пятое промышленное предприятие в это время работало с потерями». ⁶¹

59 Советская Белоруссия. 20 октября 1996.

60 Сіліцкі В. Эканамічная палітыка Лукашэнкі // Беларуска-Расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы. Менск, 2002. С. 52.

61 Там же. С. 57.

Важным фактором, обеспечившим временный экономический рост конца 90-х гг., стало установление государственного контроля над рынком иностранной валюты, чтобы иметь возможность забирать СКВ у предприятий-экспортеров и направлять ее на «стратегически важные закупки», к которым относилось продовольствие, а также комплектующие изделия и оборудование, необходимые для повышения конкурентоспособности производимых в Беларуси промышленных товаров, продававшихся на российском рынке. Специфическим фактором роста стало государственное регулирование ценообразования. Белорусские власти использовали определенный потолок цен в прогнозных показателях, который производители не должны были превышать, снижение максимально допустимого уровня рентабельности, карательные санкции против нарушителей «ценовой дисциплины». Все это содействовало росту доли бартера в торговле с Россией и странами СНГ, дефициту многих видов продовольственных товаров, вывозившихся из страны, расцвету «черного рынка» и, в конце концов, всплеску инфляции, против которой административный контроль над ценообразованием и должен был бороться.

Тем не менее, во второй половине 90-х годов Беларуси удалось продемонстрировать экономический рост. В 1997 г. экономика нашей страны выросла на 11%, а промышленность на 18%. Значительный рост сохранялся до обвала российского фондового рынка в августе 1998 г. В наибольшей степени выиграло от перераспределительной популистской политики мало- и среднеобеспеченное городское население, а в проигрыше оказались бизнесмены, работники предприятий-экспортеров, сельское население. Противники рыночных реформ в России, Украине и других странах стали говорить о Беларуси как о «восточноевропейском экономическом тигре», который добился успехов именно благодаря сохранению государственного сектора народного хозяйства, а также выделению целевых кредитов наиболее перспективным предприятиям и отраслям.

На наш взгляд, главная причина успеха антирыночной стратегии Лукашенко заключается в другом: в значительной поддержке диктаторского режима в Беларуси со стороны России. Как известно, в марте 1996 г. белорусский президент добился списания одного миллиарда долларов белорусского долга России в обмен на разрешение оставить на своей территории российские военные базы. Через год, после подписания союзного договора, Беларусь получила неограниченный доступ к российскому рынку, а также возможность получать нефть и газ по тем же ценам, что и российские потребители. Таможенный союз между двумя странами дал Беларуси контроль над 70% всего российского экспорта и импорта на Запад и с Запада, который проходил через ее территорию. Еще более существенные преференции были связаны с бартерной торговлей с Россией. «Некоторые товары – химическое волокно, сахар – Россия покупала в Беларуси по ценам, на 60% выше, чем мировые... В целом сумму еже-

годных российских дотаций белорусской экономике в период 1997-1998 гг. можно оценить в 1,5-2 миллиарда долларов». ⁶²

Изменение экономической ситуации в России, финансовый кризис 1998 г., переход к более реалистической макроэкономической и валютной политике, а также смена политического руководства в этой стране ограничили возможности для экономического популизма в Беларуси. Начиная с 2000 г., Лукашенко вынужден лавировать между элементами рыночной и популистской политики.

Как и в Латинской Америке, в Беларуси популизм, является «*электоральным и плебисцитарным*». ⁶³ Лукашенко любит подчеркивать, что он – всенародно избранный президент, что именно он выражает волю всего белорусского народа. Народ понимается в руссоистском духе, как некое единое, нерасчлененное коллективное целое, обладающее общими интересами и целями. Свобода каждого отдельного человека крайне ограничена и зависит от того, какой вклад он вносит в реализацию потенциала целого: развитие государства, строительство рыночного социализма, выполнение программ экономического роста и т.п.

Коллективистское понимание народа на практике неизбежно оборачивается тоталитарными или авторитарными формами правления. Волю народа лучше всех понимает и выражает партия, ее руководящие органы или вождь. В свое время Прудон писал, что якобистская идея проста: «Дайте нам право жизни и смерти на вашу личность и ваше добро, и мы сделаем вас свободными». Приводит эта идея всегда к одному и тому же результату: подавлению индивидуальной свободы, новому деспотизму, часто более жестокому, чем старый. Поэтому не следует заблуждаться и видеть проявления демократии в использовании такими режимами выборов, референдумов и некоторых других атрибутов народовластия. Они используются для иных целей, нежели те, которые стоят перед демократическими государствами.

Мы согласны с точкой зрения белорусского политолога В. Бобровица, который отмечает, что «авторитарные лидеры часто обращаются к народу за «советом», убивая при этом двух зайцев – демонстрируя «демократизм» и избавляясь от ответственности. В случае неудач и просчетов проводимой политики всегда можно сослаться на «волю большинства». Еще одна причина референдумов – стремление заручиться поддержкой народа для продления срока полномочий. Стремление президентов стать фактически пожизненными – ситуация типичная для республик бывшего СССР. В новейшей истории Средней Азии еще не было ни одного прецедента цивилизованной смены государственного руководства. Помимо любви к власти, лидерами движет еще и обыкновенный страх за «проделанную

62 Там же. С. 52.

63 Matsuzato, op. cit.

работу».⁶⁴ Не меньшую роль это чувство играет и в мотивах поведения белорусского президента.

Плебисцитарность опирается на государственный патернализм. Именно он позволяет руководителю государства держать все нити власти в своих руках, контролировать процесс распределения материальных благ, низводить подданных до уровня несовершеннолетних детей, нуждающихся в попечительстве со стороны заботливого родителя. Кант называл патерналистскую теорию «наихудшим деспотизмом, какой можно себе представить»; для Лукашенко – это – высший показатель социальной справедливости и порядка. «Социальная опека» – залог «уважительного отношения государства и народа», – подчеркивается в тексте государственной идеологии.⁶⁵

В современной Беларуси в ярко выраженной форме представлены и другие элементы классического популизма, такие как харизматическое лидерство, инструментальное отношение к идеологии, активное использование СМИ. Анализ этих черт предпринят в предыдущем разделе данной статьи.

Важно отметить *социальный, а не национальный* характер белорусского популизма. В этом проявляется одна из наиболее специфичных особенностей применения данной политической стратегии в нашей стране. Республика Беларусь так и не стала подлинным национальным государством. Если еще в первые годы независимости государство и пыталось что-то предпринимать для развития белорусской культуры, то после 1994 г. фактически была восстановлена и получила еще больший размах прежняя политика советизации и руссификации. «И это не случайно: пришедший к власти вместе с Лукашенко правящий класс мог удержаться на плаву только при условии продолжения массового воспроизводства своей главной социальной опоры – денационализированных, люмпенизированных слоев. Суверенная Беларусь оказалась осколком советской империи, сохранившемся в несколько преобразованном виде после распада СССР. Неудивительно, что суверенитетом государства предпочитает торговать его правительство. Подобные государственные образования являются крайне непрочными. Им суждено или стать частью новой империи, или преобразоваться в подлинное национальное государство в результате решения главного политического вопроса в пользу национально-демократических сил».⁶⁶

Поэтому вызывает искреннее удивление и непонимание точка зрения некоторых белорусских публицистов и культурологов, увидевших в

64 Бобрович В. Парадоксы народной власти («общее» и «особенное» белорусского президентства) // Адкрытае грамадства. 2003. № 1 (14). С. 26.

65 Лукашенко. Указ. соч. С. 20.

66 Ровдо В. Национальная идея как фактор становления гражданского общества Беларуси // Гражданское общество: Сб. ст.: Вып. 3. Минск, 1997. С. 43-44.

государственной идеологии Лукашенко недвусмысленный признак того, что «на самом политическом вершине поняли, что только основанная на эгалитарных лозунгах идеология социального популизма, под флагом которого Лукашенко промаршировал первую пятилетку своего президентства, никак не может служить основой для консолидации всего общества. Но на смену социальному популизму режимом предлагается идеология, жизнеспособность которой ставит не меньше вопросов, которую можно определить как националистический популизм или популистский национализм».⁶⁷

Действительно, в содержательном плане лукашенковская государственная идеология занимает промежуточное положение между коммунизмом и извращенным национализмом или является очень похожей на национал-большевизм – современную восточнославянскую версию национал-социализма. Однако «национальная» составляющая этой идеологии весьма условна, временна и вынуждена.

Во-первых, национальные качества белорусов в тексте государственной идеологии представлены в карикатурном виде, оскорбляющем национальное достоинство людей. По мнению президента, белорусы не унаследовали от предков идеи независимой государственности, они терпеливые, умеренные, доброжелательные люди, готовые чуть ли не бесплатно трудиться на благо отечества, безропотно сносить все обиды.

Во-вторых, независимое государство, о котором много говорится в тексте государственной идеологии, является тоже не белорусским. Оно рассматривается как оплот для всех сил, жаждущих реставрации советской империи на постсоветском пространстве. Суверенитет Беларуси поддерживается до тех пор, пока он полностью совпадает с суверенитетом Лукашенко.

В-третьих, государственная идеология носит ярко выраженный мессианский характер. Белорусский народ, сохранивший верность коммунистическим и православным ценностям, должен реализовать всемирно-историческую миссию освобождения других восточнославянских народов, попавших в плен к капиталистическим олигархам и «либеральным террористам». Естественно, что все это не имеет никакого отношения к подлинным национальным интересам белорусов.⁶⁸

Поэтому не на национальный (белорусский), а на социальный (неосоветский) популизм делается ставка белорусскими властями, что и обеспечивало относительную притягательность «белорусской модели» не только внутри страны, но и в близком зарубежье. Другое дело, насколько прочными являются резервы данной политической стратегии в новой ситуации, сложившейся после 2000 г.?

67 Булгакаў В. Новае ў лукашэнкаўскай ідэялёгіі: Антырасійская гістэрыя і нацыяналістычны папулізм // АРСНЕ. 2003. № 2. С. 87.

68 Лукашенко. Указ. соч. С. 12-23.

Резервы политики социал-популизма и перспективы демократизации

Сделав выбор в пользу блокирования рыночной модернизации, нынешнее белорусское руководство максимально ограничило мобильность возможностей своих граждан: крайне неразвитым является рынок рабочей силы, товаров и услуг; высшее образование и квалификация не гарантируют высокие доходы; продвижение вверх по социальной лестнице является доступным только для небольшого процента населения, связанного с узким правящим слоем. Горизонтальная мобильность носит однонаправленный характер: регионы – столица, что ведет к быстрой деградации провинции и обострению социальных, экологических и иных проблем Минска.

Для того, чтобы не допустить превращение фрустрации значительной части населения в его протестное политическое участие, Лукашенко использует авторитарные методы правления. Однако сам авторитаризм и особенно его персоналистская форма резко снижает уровень политической институционализации системы (развитие разнообразных политических организаций и процедур), которые могли бы поглотить энергию стихийных протестных настроений. Другими словами, авторитарная система содействует постепенному накоплению взрывоопасного потенциала, зреющего в недрах общества.

Не менее угрожающим вызовом для политической и экономической системы современной Беларуси является внешний фактор. Выбор в пользу сохранения многих элементов советской экономической и политической системы одновременно подложил под действующий режим «мину замедленного действия». Дело в том, что соседние с Беларусью государства сделали прямо противоположный выбор. В условиях открытой экономики, т.е. зависимой от поставок сырья и сбыта продукции в страны с рыночной экономикой, удержаться на высотах командной системы весьма и весьма сложно. Поэтому в долгосрочной перспективе у «белорусской модели» нет абсолютно никаких шансов на выживание, но у нее есть определенный запас прочности в краткосрочной перспективе.

Так или иначе, причина относительной устойчивости белорусского авторитарного режима связана с политикой нашего восточного соседа. Лукашенко и его соратники первоначально делали ставку на превращение Беларуси в этакий заповедник социализма, который нужно сохранить во что бы то ни стало до возвращения к власти ортодоксальных коммунистов в России и других бывших союзных республиках и реставрации СССР. Еще в феврале 1997 г. президент Беларуси, выступая на собрании под названием «Конгресс народов СССР», которое проходило в Минске, торжественно пообещал, что Союз России и Беларуси будет первым шагом на пути к реставрации Советского Союза.⁶⁹

⁶⁹ Цит. по: *Сіліцкі В.* Палітычная эканомія беларуска-расійскай інтэграцыі // Беларуская-расійская інтэграцыя. С. 235.

Когда эта идеологическая схема рухнула после переизбрания Ельцина в России на второй срок в 1996 г. и укрепления позиций реформаторов в российском руководстве, на первый план вышла идея созидания Белорусско-Российского Союза с сильными наднациональными исполнительными структурами, делавшими возможным прорыв Лукашенко на российское политическое пространство. С одной стороны, политически и в военном плане Лукашенко пошел на серьезные уступки Москве. Но, с другой, он получил значительные возможности для использования «союзнических» отношений с Россией для поддержания на плаву крайне неэффективной «белорусской экономической модели».

С конца 1996 г. начался рост белорусского ВВП. Его факторами в условиях отсутствия инвестиций и рыночных реформ, по мнению белорусского экономиста Л. Злотникова, стало списание Россией белорусской задолженности за энергоносители в размере 1,4 миллиарда долларов (равно 10% ВВП Беларуси); заключение белорусско-российского Таможенного союза (1995), что привело к увеличению импортных пошлин до уровня российских на товары третьих стран и открытию российского рынка для беспошлинного ввоза белорусских товаров; кроме того, из-за несовершенства Таможенного союза Беларусь извлекала, по оценкам экспертов, за счет России дополнительные доходы до 1-1,5 миллиарда долларов; мягкая кредитно-денежная политика, о чем свидетельствует значительный рост денежной массы и ускорение инфляции во второй половине 90-х годов.⁷⁰ К этому можно добавить бартерную торговлю, которая в белорусском экспорте в Россию достигла 50% в 1999 г.

Такие, на первый взгляд, абсолютно невыгодные для России союзнические отношения с Беларусью можно объяснить долгосрочной стратегией российской политической и экономической элиты. Она заключается в создании ситуации жесткой экономической, политической и военной зависимости Беларуси от России, которая в перспективе должна привести к полному поглощению нашей страны РФ. Белорусские промышленные предприятия вместо проведения реструктуризации, внедрения ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий основную ставку делали и делают на получение дешевых российских энергоносителей и сырья. Они же рассматривают Россию как основной рынок сбыта, не слишком думая о качестве и конкурентоспособности выпускаемой продукции, потому что требования к этим показателям российских потребителей ниже, чем других. Российская элита стремилась не допустить диверсификации экономических связей нашей страны, которая только и может обеспечить экономическую и политическую самостоятельность такого относительно небольшого государства как Беларусь.

70 Злотников Л. Общие тенденции экономического развития Беларуси // Состояние и перспективы развития белорусского общества и государства: аналитический доклад (рукопись). Минск, 2002. С. 8.

Открытая экономическая и политическая поддержка со стороны России обеспечила переизбрание Лукашенко на второй срок в 2001 г. Правда, это событие произошло уже в совершенно новой политической ситуации. Приход к власти в Кремле прагматика и националиста Путина резко увеличил издержки Союза для лукашенковского режима. Кремль стал требовать продажи наиболее рентабельных белорусских предприятий российским инвесторам, изменения внутреннего законодательства нашей страны, с тем чтобы обеспечить интересы российского капитала, введения российского рубля в качестве платежного средства на территории Беларуси и, наконец, в августе 2002 г. предложил Беларуси войти в состав России.

Таким образом, политика авторитарного режима личной власти привела Беларусь к критической точке, когда на повестку дня встал вопрос о самом существовании белорусского государства. Однако дальнейшее развитие этой ситуации будет происходить в иных внутренних условиях, нежели те, которые существовали в 1994-1996 гг.

Во-первых, произошли серьезные изменения в ценностных ориентациях и настроениях белорусского общества. Данные социологических исследований, проведенных НИСЭПИ в августе 2001 г. (перед президентскими выборами) показывают, что за семь лет правления Лукашенко у 40,7% семей материальное положение ухудшилось; 44,3% не удовлетворены в той или иной степени тем, как А. Лукашенко управлял страной; 57,6% предпочли бы для Беларуси ту или иную модель рыночной экономики; 46,3% предпочли бы, чтобы будущий президент был сторонником разделения властей; 41,4% хотели бы, чтобы будущий президент был сторонником кардинального изменения нынешнего курса.⁷¹ Приведенные цифры наглядно свидетельствуют в пользу того, что в общественном сознании значительной части населения сложилась установка на перемены. Эти тенденции только укрепились в 2002-2003 гг. Многие люди устали от Лукашенко и предпочли бы ему другого политика, способного улучшить положение дел в стране, провести эффективные экономические и политические реформы.

Во-вторых, в Беларуси наблюдается стремительное сокращение «эмоциональной поддержки» режиму, размывание харизмы Лукашенко. В прошлом году впервые с 1994 г. произошло падение прожективного электорального рейтинга Лукашенко в 2 раза (с 50% до 26%) и увеличение почти в 2 раза количества противников президента (с 20-25% до 40-46%). Причем эти изменения носят стабильный, а не конъюнктурный характер.⁷² Поскольку в течение всех девяти лет своего нахождения у власти Лукашенко делал ставку на стимулирование поддержки, не зависящей от эффективности проводимой политики и опирающейся на веру под-

71 См.: Данные опроса НИСЭПИ за сентябрь 2001 г.

72 Белорусский рынок. 2003. № 4.

данных в особый дар руководителя, для режима личной власти в Беларуси наступают тяжелые времена. Уже в ближайшем будущем он может столкнуться с кризисом легитимности и доверия, более глубоким и острым, чем тот, на волне которого этот режим пришел к власти в 1994-1996 гг.

В-третьих, белорусский президент растратил также и значительную долю «инструментальной поддержки», которую он получал от людей, удовлетворенных его политическим курсом. К этой группе относятся противоположные по уровню доходов и социальному положению группы. С одной стороны, это наиболее преуспевающие люди, которые рассчитывали на определенные привилегии со стороны высшей власти. С другой стороны, это наименее обеспеченные слои общества (пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи и др.), которые пользовались социальными льготами. Экономически преуспевающие люди не удовлетворены крайне узкими возможностями для занятия легальным бизнесом. Сокращение экономической помощи Беларуси со стороны России после прихода там к власти Путина привело к существенному сокращению социальных выплат, росту квартплаты, коммунальных платежей, увеличению доли платных услуг в образовании и здравоохранении. Уменьшился потенциал для продолжения политики социального популизма, что не могло не отразиться на рейтинге президента.

В-четвертых, популистская направленность режима делает невозможным создание устойчивого блока между авторитарным лидером и бюрократией в центральных и местных структурах власти. Несмотря на всю слабость белорусской номенклатуры, ее раздробленность и трусливость, ее объективные интересы расходятся с интересами персоналистского режима. Эта группа хотела бы приобрести более стабильное положение, превратить свою власть в собственность, как это сделало чиновничество в соседних с Беларусью странах. Поэтому в кризисной ситуации белорусская номенклатура пойдет на тихий саботаж распоряжений высшего руководства, хотя она все еще не готова к «игре» по демократическим правилам и поэтому, скорее всего, предпочтет не быстрое замещение режима снизу (replacement), а верхушечный переворот и медленные и постепенные реформы сверху (transformation) постлукашенковского режима.⁷³

В-пятых, в современной Беларуси существенным образом обострились те проблемы, которые свойственны многим диктатурам личной власти: слабость обратных связей политической системы, неразвитость институтов, обслуживающих вход в систему, отсутствие возможностей для проникновения многих импульсов из окружения к структурам, принимающим политические решения, гипертрофированное развитие институтов,

73 В определении возможных форм перехода Беларуси к демократии мы исходим из концепции С. Хантингтона. See: Huntington, *The Third Wave*, pp. 109-164.

отвечающих за выполнение решений и государственный контроль над обществом. Это снижает эффективность работы политической системы, ведет к ее бюрократизации и опасному отрыву власти от общества.

Таким образом, за последние годы произошло заметное уменьшение потенциала, который бы давал возможность персоналистскому режиму и далее безраздельно господствовать в Беларуси. В случае, если к перечисленным выше факторам добавится консолидация демократических сил, выступающих против режима Лукашенко, он уже в обозримом будущем столкнется с неразрешимыми для себя проблемами. Перед нашим государством откроются перспективы демократического развития и европейской интеграции. С другой стороны, в нынешней ситуации возросла угроза аншлюса Беларуси Россией. В этой связи нужно иметь в виду, что любой вариант присоединения Беларуси к России не приведет к ликвидации авторитарных порядков в нашей стране и реформированию белорусских политических и экономических институтов. Беларусь превратится в один из регионов России, имеющих свои собственные проблемы с демократией и правами человека. В результате такого объединения произошла бы замена одной формы авторитаризма на другую, преодолеть которую белорусскому обществу будет значительно труднее, чем отстранить от власти нынешний политический режим. Единственным путем Беларуси к демократии и увеличению благосостояния народа является путь сохранения и укрепления национальной независимости.